

ИДЕЙНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация

Основное содержание статьи сводится к обоснованию положения о недостаточной эффективности реализуемой в настоящее время стратегии противодействия распространению религиозного экстремизма, терроризма и фанатизма в Казахстане, опирающейся преимущественно или исключительно на собственные принципы конфессиональной религии.

Соответственно ставится вопрос о необходимости привлечения потенциала неконфессиональных, вне-теистических форм мировоззрения к противодействию религиозному экстремизму и к решению задач формирования всеказахстанской идентичности.

Ключевые сло.: Мировоззрение, религия, конфессия, государство, свободомыслие, политика, идеология.

Для Республики Казахстан как страны с полиэтническим и поликонфессиональным составом населения проблема укрепления социальной стабильности, гармонизации интересов личности, отдельных социальных групп и государства (общества) в целом неизбежно увязывается с задачей нахождения оптимальных форм *политического управления процессами взаимодействия конфессиональных общностей*. В Республике Казахстан построена высокоэффективная и мобильная система государственно-конфессиональных отношений, способная поддерживать и развивать межконфессиональное согласие и одновременно решать проблемы государственного строительства и формирования институциональной среды гражданского общества в условиях нарастания общей нестабильности в мире, обострения существующих и возникновения новых глобальных и региональных вызовов и угроз.

Конституцией Республики Казахстан законодательно закреплены принципы свободы совести и свободы вероисповедания, равное право граждан различной конфессиональной принадлежности на создание своих религиозных объединений, принцип невмешательства государства во внутренние дела церкви и другие основополагающие нормы политически-правовой регуляции социального функционирования религии, принятые международным сообществом. Н.А. Назарбаев подчеркивает: «...необходимо довести до сознания всех, что светский характер государства позволяет наиболее демократично решить вопросы свободного выбора любой религии или атеизма, обеспечивает равенство конфессий. Важно понимание и того, что отделение религиозных объединений от государства не только создает благоприятные возможности для удовлетворения религиозных потребностей, но и предполагает их невмешательство в деятельность любых государственных институтов и организаций» [Назарбаев 2003: 113]. Вместе с тем статус религии, сфера и границы ее влияния на социально-политическую жизнь до сих пор достаточно четко не определены. Отрицательные следствия этой неопределенности явственно проявляются в последнее время в связи с новыми тенденциями изменения религиозной ситуации в Казахстане, как и в мире в целом. Основной тенденций религиозной жизни современного мира является её секуляризация, всё больший сдвиг религии к посясторонним проблемам. К историческим религиям предъявляется

требование новой интерпретации религиозных символов и догм таким образом, чтобы в них смогли быть выражены смысл, ценности, мотивация мирской деятельности. В том числе, религия должна способствовать становлению интегрированной и солидарной национальной общности, не выступая при этом ни как субститут политического союза, ни как идеология национально-государственного строительства. На «постсоветском пространстве» принадлежность к традиционному для этнической общности типу вероисповедания стала восприниматься чуть ли не как онтологическая структура духовно-нравственной консолидации общества. Однако такого рода требование противоречиво в силу универалистских тенденций мировых религий, не признающих этнических, культурных, национально-государственных границ и идентичностей в отличие от генотеистических религий, знающих только племенных богов.

Конституционно закрепленный принцип отделения религии от государства должен неукоснительно соблюдаться. Этот принцип означает недопустимость политизации религии и религизации политики. Принятие ислама в качестве важного элемента или даже основания государственной идеологии и культурной политики, за что ратуют не только религиозные иерархи, но и ряд политических функционеров, представителей интеллигенции и научно-экспертного сообщества Республики, означает неизбежную политизацию ислама. Следует согласиться с заключением авторитетного отечественного религиоведа профессора А.Г. Косиченко: «Ислам способствовал самоидентификации казахского этноса, явившись духовно- и культурообразующим фактором. Однако дальнейшая эксплуатация ислама в этом направлении может привести к прямо противоположному результату» [Курганская, Дунаев, Косиченко 2003: 33], породив новые и трудноразрешимые политические проблемы.

Духовно-нравственная атмосфера модернизирующегося общества в условиях нарастания глобальных и региональных вызовов и угроз, в том числе обусловленных острым мировоззренческим и ценностным кризисом современной цивилизации (как известно, этот кризис Н.А. Назарбаев в своей Стратегии «Казахстан-2050» включил в число десяти глобальных вызовов XXI века), создает не самую лучшую ситуацию для распространения и утверждения в массовом сознании гуманистических ценностей. В условиях мировоззренческого плюрализма и идеологического вакуума, когда культурное пространство предстает как принципиально гетерогенное и асистемное, гипертрофированная и экзальтированная, а уж тем более политически ангажированная конфессиональная идентичность может служить триггером асоциальных настроений и социально деструктивных практик. Именно в сфере этничности и религии незначительные, казалось бы, по историческим масштабам, случайные флуктуации зачастую приводят к потрясению государственных основ, к непредсказуемым изменениям социальной системы в целом.

Поэтому вполне понятна озабоченность политического руководства и общественности страны проблемой борьбы с религиозным экстремизмом. Достаточно в этой связи упомянуть тот факт, что Глава государства в Послании Президента Республики Казахстан - Лидера Нации Народу Казахстана «Стратегия «Казахстан - 2050» – новый политический курс состоявшего государства» поручил разработать государственную программу по противодействию религиозному экстремизму и терроризму. К настоящему времени эта программа разработана. На реализацию программы, рассчитанной на 2013 - 2017 гг., из республиканского и местного бюджетов выделено почти 200 миллиардов тенге.

В настоящей статье предпринимается попытка привлечь внимание к важности решения задач по актуализации потенциала внеконфессиональных форм мировоззрения в оздоровлении духовно-нравственной сферы жизни казахстанского общества, в оптимизации процесса его консолидации, в противодействии религиозному экстремизму, фанатизму, терроризму. Данное направление теоретических исследований практически не представлено в деятельности как идеологических институтов государства, так и отечественного научно-исследовательского и экспертно-аналитического сообщества. Более того, сама правомерность такого подхода ставится под сомнение или даже категорически отвергается доминирующей в настоящее время установкой на утверждение

нормативно-ценностного комплекса традиционных религий в качестве аксиологической основы культурного ренессанса. В отечественном религиоведении в последние годы возобладали пропагандистски-апологетическая тенденция к универсализации духовно-нравственного значения религиозного (в особенности исламского) вероучения и его социокультурных функций. Соответственно, модели духовной консолидации казахстанского общества и противодействия религиозному экстремизму выстраиваются с опорой на межконфессиональный диалог как путь реализации норм толерантности, веротерпимости, взаимного уважения представителей различных конфессий.

Никоим образом не отрицая важности и эффективности данной доминанты идеологической деятельности, автор исходит из того, что игнорирование или умаление роли внерелигиозных типов мировоззрения и соответствующих ценностно-смысловых универсалий было бы серьезнейшим стратегическим просчетом в идеологической составляющей внутренней политики светского государства. *Во-первых*, при всей условности результатов социологических опросов можно с высокой долей уверенности констатировать наличие в республике достаточно высокой процентной доли людей, формально относящих себя к последователям ислама или христианства, но по сути придерживающихся различных типов внетеистического мировоззрения. *Во-вторых*, социологами достоверно установлен тот факт, что менталитет члена современного массового общества характеризуется смесью, конгломератом идей, установок, ориентаций, взглядов, культурных образцов и предпочтений, принадлежащих к различным, в том числе и несовместимым, взаимоисключающим системам ценностей. Такое сознание мировоззренчески аморфно и эклектично, образуя неструктурированные, не объединенные в логическую систему, постоянно меняющие свои составные элементы неустойчивые соединения. Ж.Т. Тощенко для обозначения этого типа менталитета, особо рельефно представленного в современных посткоммунистических странах, использует термин «кентавр-сознание». В таком сознании мирно уживаются ценности свободного рынка и плановой экономики, предпринимательской инициативы и патерналистского государства, социальной справедливости и свободной конкуренции, либерально-демократические ценности свободомыслия и охранительно-консервативные ценности традиционной религии. Причем такое состояние сознания «не является чем-то умышленным, нарочитым или фальсифицирующим состояние индивидуального, группового или общественного сознания – люди искренне верят этим взаимоисключающим установкам, не замечая их порой вопиющего противоречия» [Тощенко 2002: 29]. В свете вышеуказанных обстоятельств становится очевидным, что идеологическое воздействие на массовое сознание (в том числе на этнокультурное самосознание) не может не принимать в расчет его внетеистические, внеконфессиональные компоненты и структуры. Выявление теоретических оснований разработки соответствующей стратегии, программ, концептуальных моделей, методов и технологий политико-идеологической работы казахстанского государства должно стать одним из приоритетных направлений исследований отечественных специалистов.

С учетом ситуации, сложившейся в идеологической и духовно-интеллектуальной сфере жизни казахстанского общества, публичная полемика или даже сугубо академическая дискуссия по кругу вопросов, поднимаемых в статье, была бы *в настоящее время* непродуктивной в теоретическом плане и неуместной с точки зрения сохранения достигнутого уровня и поддержания доказавших свою практическую эффективность форм межконфессионального согласия в Республике. Неизбежная в этой ситуации тенденциозная (не говоря уже о недобросовестной или неквалифицированной) интерпретация общего смысла и отдельных положений настоящей статьи может привести лишь к укреплению негативного отношения к внетеистическим формам мировоззрения, к дальнейшему усилению позиций фидеизма. В сложившихся условиях *объективный* научный, критически-рефлексивный анализ ценностно-смыслового содержания и социальных функций религиозного мировоззрения фактически беззащитен от обвинений в *антирелигиозной* направленности¹. Вместе с тем автор убежден, что в долгосрочной

¹ Не только казахстанские теологи и профессиональные служители культа, но и светские религиоведы, в том числе, например, сотрудники отдела религиоведения ИФПР КН МОН РК убеждены, что религия может быть понята и интерпретирована только с позиций религиозного же мировоззрения. С этой точки зрения философский,

перспективе, в особенности в перспективе реализации поставленной Президентом страны в Стратегии «Казахстан - 2050» задачи становления Казахстана как **общества прогрессивных идеалов**, актуализация духовно-интеллектуального потенциала внеконфессиональных форм мировоззрения становится безальтернативной и жизненно необходимой мерой оптимизации процесса становления общекзахстанской идентичности, формирования созвучных жизни в XXI веке моделей общенационального согласия, повышения действенности борьбы с религиозным фанатизмом, экстремизмом и терроризмом.

Как известно, в Стратегии «Казахстан - 2050» отдельным пунктом выделена проблема религии в Казахстане XXI века. Н.А. Назарбаев отмечает: «**Мы гордимся тем, что являемся частью мусульманской уммы.** Это наши традиции. Но мы не должны забывать, что мы имеем традиции и светского общества, что Казахстан – светское государство... **Светский характер** нашего государства – это важное условие успешного развития Казахстана. Это должны **четко** понимать нынешние и будущие казахстанские политики, все казахстанцы» [Назарбаев 2012]. Это понимание должно также быть заложено в концептуальные основы и в практические действия государства и институтов гражданского общества в их борьбе со всеми формами и проявлениями религиозного экстремизма, терроризма и радикализма.

Однако на деле реализуется иной подход к профилактике религиозного экстремизма и борьбе с его проявлениями. Типичной в этой связи является позиция бывшего Председателя Государственного Агентства по делам религий Кайрата Лама Шариф. В докладе на республиканской научно-практической конференции «Ислам против терроризма» 17 мая 2013 г. в Кокшетау К. Лама Шариф отметил, что, манипулируя религиозными терминами и идеологическими посылами, «члены экстремистских организаций сумели расширить географию и социальную среду своей пропагандистской деятельности... В результате в стране увеличилось число граждан, в силу определенных религиозных предубеждений противопоставляющих себя государству и обществу» [Религиозные... б.г.]. Логично было бы предположить, что в идеологическом, мировоззренческом, духовно-интеллектуальном противодействии подобным тенденциям государство должно, прежде всего, активизировать потенциал и мобилизовать ресурсы собственной, «государственной» идеологии, т.е. принципиально внеконфессиональной идеологии светского государства, призванного и способного – *именно в силу своей светскости* – обеспечить конституционно-правовыми средствами реальную свободу вероисповедания для представителей всех конфессий. Однако на практике идеологические приоритеты и стратегии противодействия религиозному экстремизму в Республике выстраиваются по иным основаниям. На вопрос корреспондента о том, как противостоять радикальным религиозным течениям, последовал такой ответ К. Лама Шарифа:

«Существуют силовые методы и превентивные. Необходимо качественное улучшение превентивной работы. В этой связи необходимо противодействовать распространению экстремистских идей в обществе, прежде всего, интеллектуально. Очень существенна роль теологов в совокупности с иными мерами воздействия по нейтрализации религиозных экстремистов. Опытные теологи, религиоведы, эксперты в сфере религий – это та категория общества, которая способна грамотно и квалифицированно противодействовать идеологам экстремистов и радикалов. Теологи обладают универсальными знаниями из сокровищницы Священной книги – Корана. Наличие достоверных знаний в области религиозной догматики, доктринальных положений вероисповеданий, обрядов, ритуалов и иной культовой практики позволяют им смело оппонировать своим идейным противникам. Также поисками эффективных путей противодействия радикальным религиозным течениям занимаются отдельные научно-исследовательские центры и институты» [Интервью... б.г.].

Как видно из приведенного высказывания К. Лама Шариф, генеральная линия идеологического, мировоззренческого противодействия религиозному экстремизму, в том

числе профилактическая работа, направленная на формирование сознания, не приемлющего идеи экстремизма и терроризма, проводится этим Агентством внутри и в рамках религиозно-теологического дискурса, с опорой на «просвещенное духовенство» (Г. Шойкин). Светская идеология как мировоззренческий ресурс борьбы с религиозным экстремизмом прямо не упомянута, разве что намек на нее можно с большой натяжкой усмотреть в ссылке на деятельность отдельных научно-исследовательских центров и институтов. С большой натяжкой, поскольку в своем большинстве научное и экспертно-аналитическое сообщество Республики придерживается позиции, аналогичной или близкой к той, что была представлена К. Лама Шариф.

Таким образом, возникает достаточно парадоксальная ситуация: один из главных идеологических органов *светского* государства в своей научно-аналитической и пропагандистски-просветительской деятельности не принимает в расчет потенциал *внеконфессионального* мировоззрения. Однако такое положение дел объяснимо объективно сложившейся конфигурацией мировоззренчески-идеологической сферы казахстанского общества. В Казахстане, как и в других странах СНГ, происходит восстановление социальной роли конфессиональных форм религии. После многолетнего диктата официальной марксистско-ленинской идеологии маятник резко качнулся в противоположную сторону. Тотальное отрицание постулатов советской идеологии, в том числе государственного атеизма, обернулось генерализацией их абстрактных противоположностей в качестве оснований идейно-мировоззренческого самоопределения и ценностно-смысловой самоидентификации личности и социальных групп.

Бессмысленно спорить с тем, что благодатной почвой для распространения религиозного радикализма и экстремизма является незнание людьми нравственных и социальных идей, содержащихся в учениях основателей мировых религий и в церковных догматах. Поэтому пропагандисты экстремистских направлений могут достаточно легко выдавать себя за защитников подлинного вероучения. Но если постулаты религиозного мировоззрения в массовом сознании редуцированы к предельно упрощенным, чуть ли не «лубочным» представлениям, то атеизм, скептицизм, свободомыслие вообще выступают в каком-то демонизированном обличье. Только этим можно объяснить поистине удивительные результаты переписи населения Республики Казахстан 2009 года, которые были бы вполне реалистичны в отношении какой-нибудь средневековой теократии, но выглядят совершенно фантастическими применительно к современному светскому государству. Согласно данным этой переписи к неверующим отнесли себя только 2,8% опрошенных, в то время как о своей приверженности исламскому вероисповеданию заявили 70,2% населения Республики, христианству – 26,2%, к другим конфессиям – 0,3%. Т.е. 96,7% населения республики считают себя верующими! Разумеется, большая, даже подавляющая часть казахстанцев не может быть отнесена к верующим даже по самым либеральным, минимальным критериям: знание символов веры, догматов вероучения, исполнение строго обязательных религиозных обрядов. По оценке заместителя председателя Агентства РК по делам религий Галыма Шойкина людей с высокой степенью религиозности в стране относительно немного – всего лишь 7 - 8 процентов [Галым Шойкин... б.г.]. Но в контексте нашего анализа необходимо обратить внимание на то, что подавляющее большинство населения Республики едва ли не машинально, автоматически относят себя к последователям религии, традиционной для их этнической группы.

Разумеется, подобная ситуация обуславливает и тактику идеологической деятельности государственных органов, направленную на идейную консолидацию казахстанского общества. Прямая апелляция к внеконфессиональным ценностям свободомыслия была бы неизбежно воспринята и массовым сознанием, и идеологическим сословием как рецидив тоталитарной идеологии советской эпохи, попыткой возвращения к недоброй памяти временам «воинствующего атеизма». Поэтому замалчивание, игнорирование нормативно-ценностного комплекса идей атеистического или внетеистического характера при формировании идейной основы консолидации казахстанского общества является на современном этапе его духовно-интеллектуального развития во многом вынужденной мерой.

Структурный механизм для подлинной коммуникации с иными вероисповедными и этнокультурными мирами создается в сфере гуманитарного образования, формирующего особый духовный склад, который А.Ф. Лосев назвал «тягой к свободомыслию». Однако субститут (метонимией, упрощающей моделью, превращенной формой) как такого структурного механизма, так и релевантного ему духовного мира личности выступают религиозное просвещение и культура толерантности. Мировоззренческая толерантность является неперенным атрибутом гражданского общества. Однако принцип толерантности не может быть, в свою очередь, абсолютизирован и превращен в догму. Существует основоположение нравственности, которому следует отдать предпочтение (первенство) как перед этим плюралистическим мировоззренческим тезисом, так и перед религиозно фундированными моральными постулатами. Это принцип, который М.М. Бахтиным формулируется как императив «не-алиби в бытии», незаменимости человека в его ответственности. Принимая догматы той или иной религиозной веры, равно как и утверждаясь в атеистическом мировоззрении, человек не снимает с себя ответственности за свои поступки, не может перекладывать бремя вины с самого себя на ценности и нормы вероучения, которому он следует. Используя введенное М. Вебером различие, следует подчеркнуть: «Этика убеждений» должна в обязательном порядке корректироваться и согласовываться с «этикой ответственности». П.Я. Чаадаев говорил о том, что человек полностью ответственен за то, что именно он допустил быть основанием собственного бытия.

Никоим образом не ставя под сомнение правомерность и действенность религиозного просвещения как пути к консолидации казахстанского общества и способа борьбы с религиозным экстремизмом и радикализмом, необходимо вместе с тем отдавать себе отчет в том, что наиболее деструктивными по отношению к императивам личностного развития и задачам социальной интеграции являются не откровенно экстремистские религиозные течения типа ваххабизма, но упрочение представления о том, что особенности вероисповедания составляют фундаментальную мироотношенческую модальность личностного самоопределения. При такой предпосылке столь популярный ныне призыв к ренессансу традиционных культурных ценностей может обернуться эскалацией нетерпимости, мировоззренческого и социального размежевания по конфессиональному признаку. С учетом того, что в массовом сознании религиозная и этническая принадлежность зачастую отождествлены, данная ситуация таит в себе серьезную угрозу для становления *всеказахстанской идентичности* (Н.А. Назарбаев), опасность эрозии духовно-онтологических оснований культуры, а, следовательно, реальную угрозу национальной безопасности страны.

Поставленная Президентом Республики Казахстан цель: «Казахстан-2050 должен быть **обществом прогрессивных идеалов**» не может быть решена без актуализации потенциала над- и внеконфессиональных идеалов свободомыслия, свободного мировоззренческого самоопределения личности. Необходимым этапом решения этой задачи является проведение независимого от каких-либо конфессиональных предпочтений и религиозно-догматических установок теоретического анализа комплекса проблем, связанных с особенностями конфессионально-религиозной идентичности и социального функционирования ее институциональных форм. Программы, концепции, стратегия дальнейшей консолидации казахстанского общества должны основываться на общегосударственной идеологии всеказахстанской идентичности и нового казахстанского патриотизма (и ее концентрированном выражении – общенациональной идее). В модели будущего страны как системе главных мировоззренческих ценностей, целей, задач и ориентиров развития Казахстана не должно быть места ни антирелигиозным, ни прорелигиозным взглядам и установкам.

Проведенный анализ позволяет сделать общий вывод о том, что для повышения действенности предпринимаемых мер по консолидации казахстанского общества и профилактики религиозного экстремизма в Республике Казахстан в идеологической и политико-просветительной работе государства необходимо перенести акцент 1) с противопоставления нормативно-ценностного комплекса так называемых «традиционных религий» фундаменталистским, радикальным и «нетрадиционным» религиозным взглядам

– на разъяснение принципов и духовно-нравственных ценностей свободомыслия и 2) с развития культуры толерантности (веротерпимости) и межконфессионального диалога – на воспитание культуры критически-рефлексивного мышления. В частности, под этим углом зрения должны быть пересмотрены школьные и вузовские учебные пособия, научно-методические материалы, программы религиоведения.

ЛИТЕРАТУРА

Назарбаев Н.А. 2003. Идеиная консолидация общества как условие прогресса Казахстана // *Назарбаев Н.А. Стратегия независимости*. Алматы: Атамұра.

Курганская В.Д., Дунаев В.Ю., Косиченко А.Г. и др. 2003. *Влияние религиозных организаций на молодежь в Казахстане (Научно-исследовательский отчет)*. Алматы: Центр гуманитарных исследований.

Тощенко Ж.Т. 2002. Кентавр-проблема как особый случай парадоксальности общественного сознания. – *Вопросы философии*, № 6.

Назарбаев Н.А. 2012. Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Стратегия «Казахстан-2050». Новый политический курс состоявшегося государства // *Казахстанская правда*, 15 декабря.

Религиозные экстремисты расширяют влияние в Казахстане. б.г. – Доступ: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=51219>

Интервью Председателя Агентства по делам религий К. Лама Шариф: «Религиозный экстремизм – враг истинной веры». б.г. – Доступ: <http://www.din.gov.kz/rus/press-sluzhba/publikacii/?cid=0&rid=337>

«Галым Шойкин: В Казахстан пришел религиозный экстремизм в его самых крайних формах». б.г. – Доступ: <http://news.ivist.kz/18077894-galym-shoykin-v-kazakhstan-prishel-religioznyy-ekstremizm-v-ego-samyh-kraynih-formah>

LITERATURE

Nazarbaev N.A. 2003. Idejnaya konsolidaciya obschestva kak uslovie progressa Kazahstana // *Nazarbaev N.A. Strategiya nezavisimosti*. Almaty: Atamura.

Kurganskaya V.D., Dunaev V.Yu., Kosichenko A.G. i dr. 2003. *Vliyanie religioznyh organizacij na molodezh' v Kazahstane (Nauchno-issledovatel'skij otchet)*. Almaty: Centr gumanitarnyh issledovanij.

Toschenko Zh.T. 2002. Kentavr-problema kak osobyj sluchaj paradoksal'nosti obschestvennogo soznaniya. - *Voprosy filosofii*, № 6.

Nazarbaev N.A. 2012. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan - Lidera nacji N.A. Nazarbaeva narodu Kazahstana. Strategiya «Kazahstan-2050». Novyj politicheskij kurs sostoyavshegosya gosudarstva // *Kazahstanskaya pravda*, 15 dekabrya.

Religioznye `ekstremisty rasshiryayut vliyanie v Kazahstane. b.g. - Dostup: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=51219>

Interv'yu Predsedatelya Agentstva po delam religij K. Lama Sharif: «Religioznyj `ekstremizm - vrag istinnoj very». b.g. - Dostup: <http://www.din.gov.kz/rus/press-sluzhba/publikacii/?cid=0&rid=337>

«Galym Shojkin: V Kazahstan prishel religioznyj `ekstremizm v ego samyh krajnih formah». b.g. - Dostup: <http://news.ivist.kz/18077894-galym-shoykin-v-kazahstan-prishel-religioznyy-ekstremizm-v-ego-samyh-kraynih-formah>

Резюме

Дунаев В. Ю. Мемлекеттік-конфессионалдық қатынастардың идеялық-дүниетанымдық негіздері

Мақаланың негізгі мазмұны Қазақстанда қазір жүргізіліп отырған діни экстремизмнің, лаңкестік пен фанатизмнің таралуына қарсы әрекет стратегиясы тиімділігінің жеткіліксіздігі туралы қағиданы негіздеуге бағышталады. Бұл әрекет көбіне немесе негізінен конфессиялық діннің өзінің ұстындарына сүйеніп отыр.

Соған сәйкес діни экстремизмге қарсы әрекетте және бүкілқазақстандық бірегейлік қалыптастыру міндеттерінде дүниетанымның конфессионалдық емес, теистік емес формаларының әлеуетін қолдану қажеттілігі туралы мәселе қойылады.

Summary

Dunaev V.Yu. Ideological - worldview basic of church-state relations

The main article content is reduced to the justification of the thesis on lack of effectiveness of currently implemented strategies in countering the spread of religious extremism, terrorism and fanaticism in Kazakhstan, which is based predominantly or entirely on principles of confessional religion.

Accordingly, the question is raised about the necessity of attracting the potential of non-confessional or out-of-theistic forms of worldview to countering of religious extremism and to meet the challenges of forming all-Kazakhstani identity.